

Женщина, придавленная мужчиной, издала сладострастный стон — пронизанный наслаждением и освобождением, — слабо обвив его широкую спину руками и запрокинув ноги.

Однако мужчина вдруг запнулся и вполголоса бросил:

— Какая досада.

Не договорив, он оттолкнул её в сторону и выскользнул, по-хозяйски развернулся и окинул похотливым взглядом Цинь Цычу, которого всё это время держал за запястье.

— Ты сказал: лишь бы твой сынок наелся — и условия обсудим? — с нагловатой ухмылкой протянул он. — Мелкий сыт. Так что ложись давай.

Он похлопал рукой по покрывалу рядом с собой и гнусно продемонстрировал движение вперёд. Его достоинство по-прежнему стояло торчком, поблёскивая у основания влажной плёнкой в свете светильника.

Цинь Цычу окинул испачканную подстилку взглядом, исполненным брезгливого достоинства. Садиться туда ему не хотелось ни секунды.

Перед отъездом Люй Бувэй оставил ему немало золота. Пусть Цинь Цычу и не разбирался в ценах древнего мира, значение жёлтого металла понимал отлично. Суммы вполне хватало, чтобы вернуться в Цинь не спеша, с комфортом — ни себя, ни ребёнка не притесняя.

Поэтому притесняться он и не собирался.

Беда в том, что как он ни рвал запястье, высвободить его не удавалось. Жизнь в роскоши не располагала к грубой силе — в поединке с этим деревенским мужланом ему было не совладать, как бы он ни старался.

Молодой мужчина расхохотался с откровенным самодовольством, толкнул Цинь Цычу в бок и уложил под себя на грязное покрывало, ухватив той же рукой за тонкую талию.

— Грудь-то с кулачок, — произнёс он с придирчивым видом. — Если б не личико и кожа, как у персика, я б ещё подумал, связываться ли — лишний раз знакомить тебя с кормилицей. А то посмотришь на деревенских баб — вроде как мужиков после войны с гулькин нос, а детей наплодили. Нет детей — нет молока. Всё просто.

Он вдруг ухватил Цинь Цычу за подбородок, провёл кончиком пальца по белоснежной коже и замер на чётко очерченных пунцовых губах.

— «Губы алы без краски» — слышал такое, — восхищённо проговорил он, чуть склоняясь ниже.
— Не верил, что такое бывает. Надо же. Нежнющие.

Цинь Цзычу вспыхнул — не от смущения, от ярости.

Это было впервые с тех пор, как он попал в этот мир. Люй Бувэй со всеми своими двусмысленными намёками по сравнению с этим типом выглядел невиннейшим созданием.

Он повернул голову к женщине, державшей Ин Чжэна.

— Деловое предложение: пять золотых — и ты двадцать дней служишь кормилицей моему сыну. Как?

Та мгновенно просияла и закивала:

— Согласна, согласна! Большое спасибо, госпожа!

Мужчина недовольно сжал руку и силой развернул лицо Цинь Цзычу обратно, нависая ближе с жадным взглядом, скользящим по его щеке.

— До чего же мягкая. Такой женщины у меня ещё не было.

— Отпусти, — спокойно произнёс Цинь Цзычу. — Иначе не проживёшь и двадцати дней. Это не пустая угроза.

Он в этом не сомневался. Да, они покинули Ханьдань, но всё ещё находились в пределах царства Чжао. Даже если Чжан Ли первое время пойдёт по ложному следу — за двадцать дней он найдёт эту деревню. Найдёт его и А-Чжэна.

Молодой мужчина только хмыкнул, легонько похлопал его по щеке с видом полнейшего пренебрежения.

— Аристократка, что ли? Тем лучше! Ещё ни разу с благородной не спал. Вот поваляюсь с тобой, посмотрим потом, сможет ли твой мужёнок тебя удовлетворить... — он осклабился. — Хотя какой там: узнает, что жёнушка побывала у деревенского мужика, и вовсе выгонит.

Цинь Цзычу едва не выдал вслух то, что кричало в нём каждой жилой: *Какая, к чёрту, грудь?! Ты до сих пор не заметил, что у меня её попросту нет?! Да и вообще — там внизу!!! — всё ты перепутал!!!*

Но удержался.

Бегство наследного принца Цинь с новорождённым на руках в тайне не удержится. А деревня стоит слишком близко к Ханьданю. Раскроется, что он мужчина, — добра не жди: деревенские сговорятся, укроют их следы, и даже Чжан Ли ничего не вытянет.

Цинь Цзычу усилием воли придавил раздражение и изобразил испуганную женщину: опустил ресницы, крепко зажмурился, а затем принялся твердить срывающимся голосом одно и то же:

— Не обижай меня. Не обижай меня.

Молодой мужчина фыркнул. Азарт в его взгляде слегка притух — наскучило. Поддев пальцами щёку Цинь Цзычу, он напоследок отвесил:

— Ладно. На сегодня помилую. Только запомни: пока мы тут, я твой муж. Когда захочу — тогда и приду, ясно? Иначе твой мальчишка сам разберётся с голодом.

Цинь Цзычу тихонько выдохнул, из горла сорвалось едва слышное «угу» — и этого оказалось достаточно. Мужчина, выбираясь из-под него, от души сжал ладонями округлые ягодицы и напоследок добавил:

— Запомни: твоего мужа зовут Лао Ай.

Цинь Цзычу смолчал. Натуральный румянец на щеках делал его вид удручённым и потому — необъяснимо соблазнительным.

Но внутри творилось что-то совершенно иное.

Лао Ай?!

Это же тот самый мужчина, которого Чжао Цзи возьмёт себе в любовники, когда станет вдовствующей императрицей! Он тоже из Чжао?!

Слишком уж случайное совпадение.

Выходит, все мужчины, которые в истории окажутся связаны с Чжао Цзи после смерти Ин Жэня, — либо знакомые из Чжао, либо земляки?

Цинь Цзычу сохранил этот вопрос в памяти, но лицо изобразил — облегчение уцелевшего. Быстро вскочил, выхватил Ин Чжэна из рук женщины и прижал к груди, спиной к комнате.

Лао Ай провожал взглядом стройный силуэт, подчёркнутый дорогой тканью, и мысленно облизнулся.

— А ну иди сюда! — рявкнул он женщине. — Ещё не остыл!

Та давно уже была его сожительницей — кормила, одевала, давала кров; Лао Ай в ответ скрашивал ночами одиночество молодых вдов по всей деревне. Несколько лет такого уговора что-то похожее на привязанность всё же появилось. Едва услышав зов, женщина мельком глянула на Цинь Цзычу и не без торопливости легла рядом, сбрасывая с себя всё.

Вскоре комнату наполнили женские стоны и мужское хриплое дыхание. Цинь Цзычу почувствовал такую неловкость, что молча отошёл к дверям — остыть.

Он был живым человеком, а не мертвецом. И не настолько чист, чтобы не отреагировать ни на что.

— Ну, хороший мой, поел — спи, — проговорил он, уткнувшись лицом в свёрток. — Кто много ест и хорошо спит, тот вырастет большим и сильным. Я вообще больших и сильных мужчин люблю... подождите, тут что-то не то...

Цинь Цзычу опустил взгляд и встретил пристальный взор Ин Чжэна — тёмные очи с двойным зрачком смотрели не отрываясь.

Он тут же расплылся в улыбке, подался вперёд и принялся раз за разом чмокать пухлые младенческие щёки.

Лицо покраснело само собой. С ребёнком он всегда терял остатки серьёзности. Вот и сейчас — не успел опомниться, как вслух объявил о своих предпочтениях в мужчинах.

— Нет-нет, ты неправильно понял. Я не о том, — быстро добавил он. — Можно и без богатырских плеч, лишь бы не одни кости торчали и не брюхо... стоп, тоже как-то не так звучит.

Почему я теряю всякий разум перед богом?! Пусть богу нет ещё и дня от рода — всё равно теряю!

Цинь Цзычу едва не застонал от собственной беспомощности. Щёки горели, румянец расплзался по ушам, спускался на шею, и без того красивое лицо делалось ещё более заметным.

Ин Чжэн наблюдал за отцом с непривычного ракурса — снизу вверх.

За всю свою жизнь — прошлую — он почти ни на кого не смотрел снизу. В детстве Чжао Цзи давала ему по горсти еды, чтобы не умер с голоду, и это казалось достаточным. К девяти годам, когда его наконец забрали в Сяньян, он уже вымахал почти в полный мужской рост. А потом — только склонённые головы и коленопреклонённые фигуры, куда ни глянь.

Цинь Цзычу был первым человеком в жизни Ин Чжэна, на которого приходилось смотреть, настоящему задирая взгляд.

И он смотрел. Внимательно изучал смущение на отцовском лице, и его охватывало странное ощущение — как при взгляде на красавицу при свете лампы: и любопытство, и что-то похожее на наваждение.

Нужды в отцовской нежности Ин Чжэн давно не испытывал — он вырос из этого. Этот «отец» перед ним был просто... диковинным. И рождал непривычное желание — подчинить. Примерно как... ещё не покорённые земли Поднебесной.

Он не подумав потянулся рукой — скомандовать «подойди» — и тут же остановился, уставившись на крошечную пухлую пятерню.

Цинь Цзычу просиял, решив, что сын сам тянется к нему. Он перехватил мягкую ручонку и запечатлел поцелуй на розовой ладошке.

И вдруг в глазах у него мелькнул опасный огонёк.

Ин Чжэн насторожился. *Только не это.*

... Цинь Цзычу взял его ладошку в рот.

Ин Чжэн без выражения смотрел, как его рука исчезает за отцовскими губами. Внутри — тихое: *что это такое?*

Он никогда не участвовал в воспитании детей. Что это за игра — он понятия не имел.

Но глаза его расширились сами собой. Взгляд стал требовательным — того, кто не привык, чтобы его авторитет ставили под сомнение.

Неслыханная дерзость!

Ин Чжэн полагал, что смотрит с государственным величием, с грозой во взоре.

Он совершенно упускал из виду, что сейчас — младенец.

А что делает с человеком взгляд красивого младенца?

Умиляет.

Невероятно умиляет.

ОМГ мой маленький бог не может быть более прекрасен!!!

В глазах Цинь Цзычу расцветали розовые цветы.

Он подхватил Ин Чжэна обеими руками и чмокнул прямо в аккуратно очерченные губки.

— Ты мне так нравишься, — произнёс он тихо и чисто.

Слова упали в уши Ин Чжэна — и весь мир перевернулся.

Следует ли казнить его четвертованием?

Нет. Погоди. Я вспоминаю... После восшествия на престол я... я присвоил этому олуху титул Верховного правителя.

Это была ошибка.

Но, к счастью, ещё не поздно всё исправить.

<http://bllate.org/book/18277/1750289>